

УДК 343.11:343.7(470+571)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.101-111>

В. В. СВЕРЧКОВ¹

¹ Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Сверчков Владимир Викторович, доктор юридических наук, доцент, профессор,
Нижегородская академия МВД России

Адрес: 603000, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

E-mail: sverchkov14@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7943-0876>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/B-9266-2018>

Цель: выявление противоречий и несоответствий между нормативными правовыми положениями об ответственности за преступления против собственности, а также фактов непоследовательного и несправедливого изменения следственно-судебной практики, возникших вследствие необоснованной модификации уголовного законодательства и практики его применения.

Методы: диалектический, исторический, документальный, догматический, практический, системный, комплексный, аналитический, сравнительно-правовой, статистический.

Результаты: выявлены противоречия и несоответствия между нормативными правовыми положениями об ответственности за преступления против собственности, а также факты непоследовательного и несправедливого изменения следственно-судебной практики, возникшие вследствие необоснованной модификации уголовного законодательства и практики его применения.

Научная новизна: проведенный критический анализ преобразования российского уголовного законодательства и практики его применения позволил прийти к выводам, направленным на совершенствование законотворческой деятельности Федерального Собрания Российской Федерации, интерпретационной практики Верховного Суда Российской Федерации. В частности, в статье обоснованы следующие положения: а) об искусственном создании конкуренции между квалифицированным и особо квалифицированным составами кражи; б) об отклонении линии российского законодательства в сторону англо-американской правовой семьи; в) о некорректном соединении законодателем в ст. 159 УК РФ общих и специальных положений; г) о нивелировании содержанием ст. 159⁶ УК РФ мошенничества как формы хищения с присущими ему способами преступного поведения; д) о необоснованном изменении практики отечественного правоприменения, если оно не связано с социально-экономическими и (или) политико-правовыми преобразованиями в России.

Результаты исследования показывают, что в решениях высшей судебной инстанции имеют место: а) подмена понятия «корыстная цель» понятием «корыстный мотив» хищения имущества; б) неоднозначные положения об оценке содеянного по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ; в) разноречивое определение момента окончания (составом) административно-правового хищения имущества путем кражи и момента окончания (составом) уголовно-правового тайного хищения имущества; г) положения, препятствующие ограничению уголовно-правовой растраты имущества от малозначительной растраты такового и привлечению виновного к уголовной или административной ответственности; д) сомнительные рекомендации правоприменителям о квалификации хищения, сопряженного с угрозой, опасной для жизни/здоровья потерпевшего; е) противоречивые разъяснения судам практики применения ст. 163 УК РФ.

Практическая значимость: основные положения и выводы следует использовать для совершенствования законотворческой деятельности, интерпретационной судебной практики.

Ключевые слова: уголовное право и криминология; преступление; собственность; кража; мошенничество; вымогательство; проект закона; высшая судебная инстанция

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Сверчков В. В. Преступления против собственности: критический анализ преобразования российского уголовного законодательства и практики его применения // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 1. С. 101–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.101-111>

V. V. SVERCHKOV¹

¹ Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhniy Novgorod, Russia

CRIMES AGAINST PROPERTY: CRITICAL ANALYSIS OF TRANSFORMING THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION AND THE PRACTICE OF ITS ENFORCEMENT

Vladimir V. Sverchkov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Address: 3 Ankundinovskoye shosse, 603000 Nizhniy Novgorod, Russian Federation
E-mail: sverchkov14@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7943-0876>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/B-9266-2018>

Objective: to identify contradictions and inconsistencies between the normative-legal provisions referring to liability for crimes against property, as well as the facts of inconsistent and unfair changes in investigative-judicial practice due to ungrounded modification of criminal law and practice of its application.

Methods: dialectical, historical, documentary, dogmatic, practical, systematic, complex, analytical, comparative-legal, statistical.

Results: contradictions and inconsistencies were revealed between the normative-legal provisions on liability for crimes against property, as well as the facts of inconsistent and unfair changes in investigative-judicial practice, which arose as a result of unjustified modification of criminal legislation and practice of its application.

Scientific novelty: the carried out critical analysis of the transformation of the Russian criminal legislation and the practice of its application allowed making conclusions aimed at improving the legislative activity of the Russian Federal Assembly and the interpretation practice of the Supreme Court of the Russian Federation. In particular, the article substantiates the following provisions: a) on the artificial creation of competition between the qualified and specially qualified corpus delicti of theft; b) on the inclination of the Russian lawmaking towards the Anglo-American legal family; c) on the incorrect unification of the general and special provisions in Art. 159 of the Russian Criminal Code; d) on the elimination of fraud as a form of theft with the characteristic criminal behavior, by the contents of Art. 159⁶ of the Russian Criminal Code; e) on the ungrounded change of law-enforcement in Russia unless it is connected with social-economic and (or) political-legal transformations in Russia.

The research results show that the Supreme Court decisions contain: a) substitution of the concept of the “acquisitive goal” by the concept of “acquisitive motive” of property theft; b) ambiguous provisions on assessment of the crime under paragraph “g” of part 2 of Article 158 of the Russian Criminal Code; c) contradictory definition of the moment of completion (of corpus delicti) of administrative-legal acquisition of property by theft and the moment of completion (of corpus delicti) of the criminal-legal secret acquisition of property; d) provisions that prevent delimitation of the criminal-legal embezzlement of property from the minor waste of property and bringing the perpetrator to criminal or administrative liability; e) questionable advice to law-enforcers on the classification of theft that involves threatening life/health of the victim; f) contradictory explanation of the judicial practice of application of Article 163 of the Russian Criminal Code.

Practical significance: the main provisions and conclusions should be used to improve the law-making activity and judicial interpretive practice.

Keywords: Criminal law and criminology; Crime; Property; Theft; Fraud; Extortion; Draft law; the Supreme Court

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

*Сверчков В. В. Преступления против собственности: критический анализ преобразования российского уголовного законодательства...
Sverchkov V. V. Crimes against property: critical analysis of transforming the Russian criminal legislation...*

For citation: Sverchkov V. V. Crimes against property: critical analysis of transforming the Russian criminal legislation and the practice of its enforcement, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 1, pp. 101–111 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.101-111>

Введение

Интенсивное преобразование российского уголовного законодательства и практики его применения заставляют задуматься над качеством вносимых в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) изменений и дополнений, над состоятельностью научного обоснования модернизации уголовно-правовых положений, целесообразностью корректирования следственно-судебной практики применения уголовно-правовых норм.

Названные обстоятельства послужили причиной проведения исследования, цель которого – выявить противоречия и несоответствия между нормативными правовыми положениями об ответственности за преступления против собственности, а также факты непоследовательного и несправедливого изменения следственно-судебной практики.

В основу данного исследования положен анализ действующих норм российского уголовного законодательства, проектов федеральных законов и сопровождающей их документации, доктринальных положений, а также правовых актов высшего судебного органа.

Результаты исследования

Некоторые сомнения в достаточном качестве законотворческой работы, а также интерпретационной практики высшей судебной инстанции возникли при оценке претерпевших изменения уголовно-правовых норм, направленных на противодействие преступлениям против собственности, при анализе практики применения нормативных правовых положений, закрепленных в гл. 21 УК РФ.

Усиливают эти сомнения результаты анализа законопроектной документации, аргументирующей и модификацию в 2006 г. содержания ст. 158 УК РФ, и дополнение в 2012 г. уголовного закона специальными нормами об ответственности за мошенничество.

Так, проектом Федерального закона № 288967-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 13.04.2006

было предложено дополнить часть 3 ст. 158 УК РФ особо квалифицирующим признаком, уточняющим место преступления: кража, совершенная из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (см. п. «б»). При этом в абз. 2 примечания 3 к ст. 158 УК РФ трубопровод законодателем назван хранилищем. Ответственность за кражу, сопряженную с незаконным проникновением в хранилище, предусмотрена п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Авторы законопроекта (в пояснительной записке к нему) обосновали надобность такого нововведения отсутствием в УК РФ норм, адекватных высокой степени общественной опасности деяний, совершаемых на объектах нефтепроводов и нефтепродуктопроводов, а также несправедливостью приравнивания кражи транспортной продукции из трубопроводов к «карманным» кражам и отнесения содеянного к категории преступлений средней тяжести (см. ч. 2 ст. 158 УК РФ). Данные авторы отметили, что за большинством таких преступлений стоят организованные преступные формирования, располагающие: а) разветвленными коррупционными связями; б) группами охранения, в) высококлассными специалистами по изготовлению врезок; г) автотранспортом, приспособленным для перевозки нефти; д) устойчивыми каналами сбыта похищенной нефти.

Противоречивость представленной аргументации очевидна. Общественная опасность хищения имущества из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода не может быть равна таковой «карманной» кражи, поскольку в данном случае общественная опасность повышена вследствие осуществления преступного поведения, как правило, организованной группой, притом в крупном или особо крупном размере, что влечет квалификацию содеянного по ч. 4 (в иных случаях – по ч. 3) ст. 158 УК РФ.

Проект нормативного правового акта обрел статус Федерального закона № 283-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 30.12.2006. Недостаточно обо-

снованное нововведение в уголовное законодательство позволило отнести трубопровод одновременно и к хранилищу (см. абз. 2 примечания 3 к ст. 158, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ), и к транспорту (см. п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ). *Искусственно создана конкуренция между квалифицированным и особо квалифицированным составами кражи вместо устранения законодательной неточности – отнесения трубопроводного транспорта к хранилищу*, поскольку трубопровод является составной частью транспортной системы страны. Существующие виды трубопроводов предназначены не для хранения, а для перемещения сырья, продуктов. Возникшая уголовно-правовая коллизия приводит к мысли о необходимости уточнить содержание абз. 2 примечания 3 к ст. 158 УК РФ.

Проект Федерального закона № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» от 11.04.2012 содержал предложение о дополнении УК РФ статьями 159¹–159⁶. Ответственность за мошенничество, по заявлению разработчиков этого законопроекта, дифференцирована в зависимости от сферы экономических отношений, непосредственного объекта, предмета и способа преступного посягательства (см. пояснительную записку к проекту федерального закона). В результате положения об ответственности за мошенничество, закрепленные в ст. 159 УК РФ, перешли в разряд общих по отношению к специальным положениям, закрепленным в ст. 159¹–159⁶ УК РФ.

Вместе с тем сопоставление видов и размеров наказаний, предусмотренных за новые предложенные законодателем виды мошенничества, свидетельствует о том, что указанная дифференциация в значительной мере формальна. Более того, раздробленность нормы о мошенничестве, закрепленной в ст. 159 УК РФ, на предусмотренные различными статьями УК РФ положения о выборочных видах мошенничества не только потребовала изменения устойчивой следственно-судебной практики (особенно в связи с применением ст. 159⁶ УК РФ, закрепившей ответственность за те деяния, которые прежде оценивались как тайное хищение имущества), но и надломила гармонично сложенную структуру гл. 21 УК РФ. *Вряд ли можно признать достаточно обоснованным такое отклонение законотворчества в сторону англо-американской правовой семьи.*

Думается, что авторы упомянутого проекта закона перенесли проблему установления умысла, направлен-

ного на противоправное завладение чужим имуществом, из сферы сбора доказательств по уголовному делу в сферу квалификации содеянного. Умение правоприменителя устанавливать и доказывать вину лица в совершенном им общественно опасном деянии зависит от профессиональных навыков (сложенных из знаний и умений) этого правоприменителя, от уровня его правосознания, но не от содержания уголовно-правовой нормы, закрепленной в статье УК РФ. Едва ли новые статьи об ответственности за мошенничество помогли решению этой проблемы, поскольку такие краеугольные камни уголовного правоприменения, как субъективное вменение (см. ст. 5 УК РФ) и необходимый объем доказывания предусмотренного уголовным законом поведения лица (см. ст. 73 УПК РФ), остались неподвижны.

Непродуманность представленного нововведения в дальнейшем привела к тому, что ст. 159⁴ УК РФ, предусматривавшая ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, Постановлением Конституционного Суда РФ № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» от 11.12.2014 признана не соответствующей Конституции России в той мере, в какой она установила за мошенничество в особо крупном размере, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, несоизмерное его общественной опасности наказание в виде лишения свободы. Законодатель отнес указанное деяние к категории преступлений средней тяжести. Однако уголовная ответственность за совершение в особо крупном размере такого же деяния, не связанного с конкретными сферами предпринимательской деятельности, предусмотрена ст. 159 УК РФ. Этой статьей охвачено преступное поведение, отнесенное законодателем к категории тяжких преступлений. К тому же по ст. 159 УК РФ особо крупным размером похищенного признан существенно меньший размер, нежели по ст. 159⁴ УК РФ. Конституционный Суд РФ принял решение о том, что, если по истечении шестимесячного срока со дня провозглашения настоящего Постановления законодатель не внесет в УК РФ надлежащих изменений, ст. 159⁴ утратит силу.

Требуемые изменения были внесены в уголовное законодательство лишь через полтора года после при-

Сверчков В. В. Преступления против собственности: критический анализ преобразования российского уголовного законодательства...
Sverchkov V. V. Crimes against property: critical analysis of transforming the Russian criminal legislation...

нения Конституционным Судом РФ изложенного решения. Федеральным законом № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 03.07.2016 ст. 159⁴ УК РФ признана утратившей силу. Одновременно посредством Федерального закона № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 03.07.2016 ст. 159 УК РФ дополнена частями 5–7 об ответственности за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Таким образом, законодателем осуществлено некорректное соединение в одной статье общих (см. ч. 1–4) и специальных (см. ч. 5–7) положений о мошенничестве.

Разработчики рассматриваемого проекта закона предложили отдельной статьей выделить в УК РФ ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации. При этом они не утруждали себя созданием обоснования необходимости введения в УК РФ ст. 159⁶ «Мошенничество в сфере компьютерной информации». По их мнению, такое хищение или приобретение права на чужое имущество сопряжено с преодолением компьютерной защиты имущества (имущественных прав) и совершается не путем обмана или злоупотребления доверием конкретного лица, а путем получения доступа к компьютерной системе и совершения определенных действий. Другой аргументации в пользу новой статьи УК РФ в пояснительной записке к законопроекту не содержится.

Вместе с тем авторы проекта пишут: «В настоящем законопроекте речь не идет о криминализации специальных видов мошенничества, поскольку действующая редакция ст. 159 УК РФ охватывает все случаи хищения имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана либо злоупотребления доверием». Данное утверждение вызывает вопрос: для чего же понадобилось дробить норму, закрепленную в ст. 159 УК РФ, на отдельные положения, если дифференциация, индивидуализация ответственности за содеянное заложена в альтернативной относительно определенной санкции этой нормы?

Законопроект получил статус Федерального закона № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный

кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2012. Закрепленный в ст. 159⁶ УК РФ специфический вид мошенничества лишен одной из главных своих составляющих частей – способа совершения преступления, свойственного мошенничеству.

Введение в УК РФ названной статьи *нивелировало мошенничество как форму хищения с присущими ему способами преступного поведения и привело к изменению сложившейся следственно-судебной практики*. Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 постановления № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30.11.2017 обратил внимание правоприменителей на то, что обман, злоупотребление доверием как способы мошенничества нужно устанавливать при квалификации содеянного по ст. 158¹, 159, 159¹, 159², 159³, 159⁵ УК РФ.

Те деяния, которые прежде следовало оценивать как тайное хищение имущества (поскольку компьютерная техника не наделена сознанием, обмануть ее или злоупотребить ее доверием невозможно), ныне надлежит квалифицировать по ст. 159⁶ УК РФ.

Практика формального, недостаточно продуманного обоснования модификации российского уголовного законодательства затрагивает положения не только гл. 21 УК РФ и существует, увы, по сию пору (см., в частности, пояснительную записку к проекту Федерального закона № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 14.12.2015, который стал Федеральным законом № 323-ФЗ с одноименным названием от 03.07.2016) [1, с. 245–246].

В общем массиве регистрируемой в Российской Федерации преступности и наказуемости преступления против собственности занимают основное место. Львиную долю среди них составляют кражи.

Практически каждое третье преступление из всех, за которые виновные осуждены судами России (ежегодно в 2002–2016 гг., а до 2002 г. – каждое второе-третье преступление), – тайное хищение имущества¹.

¹ Используются статистические данные, предоставленные Департаментом правовой информации Минюста России и Судебным департаментом при Верховном Суде РФ.

Поэтому необоснованное изменение практики применения ст. 158 УК РФ вызывает не меньше вопросов (нежели необоснованное «совершенствование» уголовного законодательства) как у представителей научной общественности, так и у правоприменителей, обуславливает сложности в принятии решений о квалификации деяний как преступлений. Эти вопросы и сложности связаны с установлением объективных и субъективных признаков кражи.

1. Вызвали удивление растиражированные авторитетные учебные издания, в которых отражены суждения (Г. Л. Кригер) о необходимости квалифицировать поведение виновного по ст. 158 и 167 УК РФ, если для осуществления тайного хищения имущества он умышленно уничтожил или повредил иное чужое имущество (например, запирающее устройство, стену, сейф при проникновении в жилище, помещение либо иное хранилище) [2, с. 149; 3, с. 149; 4, с. 149]. В действительности же, если умышленное уничтожение/повреждение злочинец чужого имущества являлось способом совершения хищения (в частности, он выломал дорогостоящую дверь при проникновении в жилище), то его поведение надлежало квалифицировать только по ст. 158 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ не требовалось. Однако если при совершении хищения было умышленно уничтожено или повреждено имущество потерпевшего, не являвшееся предметом хищения (мебель, бытовая техника, другие вещи), например, из-за досады виновного, поскольку им не обнаружены искомые материальные ценности, содеянное надлежало дополнительно квалифицировать по ст. 167 УК РФ при условии причинения значительного ущерба².

Такая следственно-судебная практика применения ст. 158 (равно как и ст. 161, 162) УК РФ существовала до 16.05.2017.

² См. п. 20 (в ред. до 16.05.2017) постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12.2002 (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002); постановление Президиума Верховного Суда РФ № 356п04пр по делу Волкова и др. от 27.10.2004 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 3. С. 22; Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2003 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 10. С. 30; Меркушов А. Е. Некоторые вопросы судебной практики по делам о краже, грабеже и разбое // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 4. С. 23.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 17 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» от 16.05.2017 модернизировано содержание постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002, абзац 1 пункта 20 которого представлен в новой редакции: «Если лицо, совершая кражу, грабеж или разбой с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище, умышленно уничтожило или повредило двери, замки и т. п., а равно иное имущество потерпевшего, не являвшееся предметом хищения (например, мебель, бытовую технику и другие вещи), содеянное в случае причинения значительного ущерба следует дополнительно квалифицировать по статье 167 УК РФ» (абзац 2 из п. 20 исключен; абзац 3 переведен в абзац 2).

С одной стороны, данное изменение устойчивой следственно-судебной практики применения ст. 158, 161, 162 УК РФ можно объяснить желанием высшей судебной инстанции привести к единому знаменателю практику применения законодательства об ответственности за преступления против собственности. Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» от 17.12.2015³ умышленное уничтожение/повреждение в ходе вымогательства имущества, повлекшее причинение потерпевшему значительного ущерба, образует совокупность преступлений, ответственность за которые предусмотрена соответствующими частями ст. 163 и 167 УК РФ.

С другой стороны, отмеченное изменение практики правоприменения заставляет усомниться в его обоснованности, поскольку ни социально-экономическая, ни политико-правовая ситуация в России не изменились. Более того, уничтожение или повреждение чужого имущества не связано со способами вымогательства (в отличие от названных случаев кражи, грабежа, разбоя) – преступления, оконченного (составом) в момент доведения до сведения потерпевшего подкрепленного соответствующей угрозой требования передачи имущества или права на имущество либо совершения других действий имущественного

³ Далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ № 56 от 17.12.2015.

характера, т. е. окончено до причинения любого имущественного вреда.

II. При квалификации деяния как хищения имущества необходимо установить корыстную цель преступного поведения (см. примечание 1 к ст. 158 УК РФ). Тайное хищение не является исключением из этого правила. Однако в некоторых решениях Президиума Верховного Суда РФ, Судебной коллегии по уголовным делам и Военной коллегии Верховного Суда РФ наблюдается подмена понятия «корыстная цель» понятием «корыстный мотив»⁴. Необоснованное отождествление мотива и цели хищения допускают и авторы научных исследований [5, с. 21–22].

Представляется, что *корыстная цель хищения* означает стремление лица противоправным поведением извлечь материальную выгоду для себя или другого лица либо избавиться от материальных затрат за счет чужого имущества. Например, стремление злоумышленника завладеть какой-нибудь вещью. Побуждения (мотивы), как правило, являются тоже корыстными (в частности, жажда наживы). Однако возможны и другие побуждения: зависть, «спортивный интерес», чувство ложного товарищества, желание раздать похищенное голодным и страждущим, продемонстрировать свои способности, свою индивидуальность и т. д. Ярким примером тайного хищения имущества по благородным мотивам (но с корыстной целью) является кража Юрием Деточкиным (персонаж из отечественного кинофильма «Берегись автомобиля!») легковых автомобилей у спекулянтов и взяточников, продажа этих транспортных средств и направление вырученных денег на содержание детского дома.

Наличие некорыстных мотивов, побуждающих к совершению хищения, не меняет направленности цели. В результате преступления виновный обогаща-

ется или удовлетворяет материальные потребности другого лица незаконно.

В правоприменительной деятельности возникли и другие вопросы и сложности, вызванные противоречивыми разъяснениями высшей судебной инстанцией практики применения статей гл. 21 УК РФ.

1. Составы преступления, охваченные ст. 158 УК РФ, имеют *материальную* законодательную конструкцию. Преступление окончено (составами), если имущество изъято и виновный получил реальную возможность пользоваться и (или) распоряжаться им по своему усмотрению⁵. Например, рабочий предприятия тайно свинтил с оборудования одного из цехов двигатель и спрятал его под забором на территории предприятия, чтобы затем переместить через забор и унести домой. Пока двигатель будет находиться на территории предприятия, нельзя говорить о краже как об оконченом (составом) преступлении. Здесь имеет место лишь покушение на кражу. В момент же преодоления сдерживающего препятствия в виде забора похититель получит реальную возможность владеть, пользоваться, распоряжаться похищенным имуществом по своему усмотрению⁶.

Однако правила определения этапов противоправного поведения применимы к оценке деяния как преступления и не работают при квалификации содеянного как административного правонарушения, поэтому *момент окончания (составом) административно-правового хищения имущества путем кражи может не совпадать с моментом окончания (составом) уголовно-правового тайного хищения имущества*. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2006 г. читаем:

⁴ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 34-О10-28СП по делу Л. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 6. С. 22; постановления Президиума Верховного Суда РФ: № 425-П05 по делу Щукина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 3. С. 13; № 176п04пр от 28.04.2004 по делу Горбунова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 11. С. 11–12; Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2004 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 9. С. 30; определение Военной коллегии Верховного Суда РФ № 4-087/00 по делу Жукова и Козлова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 8. С. 17–18.

⁵ См. п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002; п. 14 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» от 05.09.1986; п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» от 11.07.1972; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 69-Д10-20 по делу И. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 5. С. 23.

⁶ Немаловажную роль в определении момента окончания (составом) преступления играет специфика объекта, занимающего определенную территорию. На некоторых объектах возможно распорядиться похищенным имуществом, не покидая их, например, на территории базы продовольственного снабжения.

«Мелкое хищение путем кражи образует состав административного правонарушения с момента тайного изъятия чужого имущества и возникновения возможности им распорядиться... Таким образом, поскольку в действиях работника присутствовал умысел на завладение продукцией и произошло ее фактическое изъятие, содеянное образует состав правонарушения, предусмотренного ст. 7.27 КоАП РФ, независимо от того, где данное лицо было задержано – на проходной предприятия или за его пределами»⁷.

2. Кража из одежды, сумки или другой ручной клади влечет квалификацию поведения физического лица по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ только в том случае, если указанные предметы (в том числе бумажник, пакет, рюкзак, чемодан с колесиками или без таковых, детская коляска и пр.) находились при потерпевшем: на нем, рядом с ним, под его контролем, а следовательно, имущество находилось при живом человеке⁸. В качестве усиливающих наказуемость виновного отмеченные признаки введены в ст. 158 Федеральным законом № 133-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 31.10.2002.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 23 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» от 24.05.2016 ранее принятое постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002 дополнено пунктом 23¹, согласно которому квалификация содеянного по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ возможна только в том случае, если предмет преступного посягательства находился: а) при живом человеке (см. абз. 1); б) на потерпевшем, в его руках или непосредственной близости от

него (см. абз. 2). Озадачивают правоприменителей и вступают в противоречие с абз. 1 положения, закрепленные в абз. 3 указанного пункта: сон, опьянение, потеря сознания, психическое расстройство и т. п. особенности состояния потерпевшего значения для квалификации деяния по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ не имеют, так как использование субъектом преступного посягательства состояния потерпевшего не исключает его умысла на хищение из одежды, сумки или другой ручной клади и лишь указывает на тайный характер такого хищения. Вопреки данному разъяснению Пленума Верховного Суда РФ представляется, что *злочинец должен осознавать то, что похищаемые предметы находятся под контролем потерпевшего*.

3. Казуальная практика высшей судебной инстанции не позволяет отграничить уголовно-правовую растрату имущества от малозначительной растраты такого и привлечь виновного к ответственности. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ определением № 51-УД15-1 от 22.04.2015 отменила приговор по ч. 3 ст. 160 УК РФ и последующие судебные решения в отношении С. – руководителя муниципального унитарного предприятия, который дал указание главному бухгалтеру об оплате наложенного на С. штрафа за счет находящихся на балансе предприятия средств. Главный бухгалтер составил авансовый отчет, к которому приложил чек банка на сумму 2 060 руб., на основании которого названная сумма (в уплату штрафа) была списана и отнесена на расходы предприятия. Уголовное дело прекращено в силу малозначительности (см. ч. 2 ст. 14 УК РФ) – за отсутствием состава преступления (см. п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ)⁹.

По-видимому, предприятию действительно причинен мелкий вред, а С. желал причинить вред в указанном размере. Проблема заключается в том, что в случае прекращения уголовного дела (отказа в его возбуждении) по малозначительности – на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – правоприменителю следует обратить внимание на административное законодательство. Исходя из принципов гуманизма, вины и справедливости, уличенного в мелком хищении следовало бы привлечь к административной ответственности на основании ст. 7.27 КоАП РФ, если стоимость похищенного имущества не превысила (по состоянию на 2015 г.) 1 000 руб.

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 9. С. 18–19.

⁸ См. определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ: № 20-О12-31 по делу И. // БВС РФ. 2013. № 7. С. 23; № 33-Д12-1 по делу Б. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3. С. 37–38; № 11-О11-99 по делу Х. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 10. С. 12; Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2008 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 7. С. 31; постановление Президиума Верховного Суда РФ № 225П08 по делу Хакимова от 17.09.2008 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2. С. 14.

⁹ См. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 7. С. 28.

Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ своим односторонним решением и аргументацией его: «Анализ обстоятельств совершенного С. деяния, небольшой размер материального ущерба, отсутствие в материалах дела доказательств того, что деяние причинило существенный вред интересам предприятия, не позволяют сделать вывод о том, что содеянное обладает признаками общественной опасности, которые позволили бы признать содеянное преступлением» – *исключила возможность привлечения виновного как к уголовной, так и к административной ответственности*. Справедливо ли это? Думается, нет.

4. Угроза при разбойном нападении заведомо негодным или незаряженным оружием, его имитацией (макетом пистолета, декоративным оружием, игрушечным кинжалом и т. д.), если виновный не намеревался использовать эти предметы для причинения опасного для жизни или здоровья потерпевшего вреда, по разумению высшей судебной инстанции должна повлечь квалификацию содеянного по ч. 1 ст. 162 УК РФ, притом что *потерпевший воспринимал возникшую угрозу как реальную, опасную для жизни/здоровья* и отсутствуют иные квалифицирующие признаки¹⁰.

Вместе с тем получило достаточное научное обоснование (с учетом субъективного вменения) другое предложение: о необходимости квалификации по ч. 2 ст. 162 УК РФ поведения лица, открыто похитившего имущество с использованием предмета, имитирующего оружие, который потерпевший воспринимал как оружие (причем пригодное к применению. – Прим. авт.) [6, с. 10, 23].

Правда, на страницах юридической литературы возможно встретить и такие суждения: применение при нападении с целью хищения имущества потерпевшего газового пистолета или револьвера, которые

формой, размерами и огнестрельным принципом действия копируют боевое оружие, а также применение пневматического оружия следует считать вооруженным разбоем. Применение же аэрозольных упаковок, механических распылителей и электрошоковых устройств – признаки вооруженного грабежа [7, с. 34]. Представленная позиция оставляет вопросы: действительно ли УК РФ предусматривает ответственность за «вооруженный грабеж»? Влияет ли содержание аэрозольных упаковок и механических распылителей на квалификацию деяния как насильственного грабежа или разбоя?

Отрицательный ответ на первый вопрос – «нет, не предусматривает» – вытекает из содержания ст. 161 УК РФ. К тому же в абз. 2 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002 механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами, названы не оружием, а предметами, используемыми в качестве оружия.

Положительный ответ на второй вопрос – «да, влияет» – содержится в разъяснении правоприменительной практики высшей судебной инстанцией. Так, Президиум Верховного Суда РФ в постановлении № 655-П06 по делу Б. указал на необходимость квалификации деяния как разбоя, если установлено, что газ в аэрозольном баллончике, использованном виновным для нападения с целью завладения чужим имуществом, представлял опасность для жизни или здоровья потерпевшего¹¹. Согласно абз. 5 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002, введение в организм потерпевшего опасных для жизни или здоровья сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ с целью приведения его таким способом в беспомощное состояние и завладения чужим имуществом свидетельствует о разбое; если же эти вещества не опасны для жизни/здоровья потерпевшего – о грабеже, соединенном с насилием.

5. Существенное влияние на формирование практики судов общей юрисдикции оказали *противоречивые решения Пленума и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда России*. Так, Пленум Верховного Суда РСФСР в абз. 2 п. 2 постановления № 3 «О судебной практике по делам о вымогатель-

¹⁰ См. абз. 4 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002; постановление Президиума Верховного Суда РФ № 645-П06ПР по делу Ракова, Пикалева от 29.11.2006 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 12. С. 12; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 5-АПУ14-43 по делу К., М., А. от 16.09.2014 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 5. С. 9; определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда по делу Магомедова // Законность. 1993. № 9. С. 56; абз. 2 п. 13 (в ред. от 25.10.1996) утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда РСФСР № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» от 22.03.1966.

¹¹ См. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2. С. 25.

стве» от 04.05.1990¹² (утратило силу в соответствии с п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 56 от 17.12.2015) отметил, что если вымогательство сопряжено с непосредственным изъятием имущества потерпевшего, то при наличии реальной совокупности преступлений эти действия в зависимости от характера примененного насилия необходимо дополнительно квалифицировать как грабеж или разбой.

Позже практика высшей судебной инстанции развернулась в противоположном направлении. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала на ненужность дополнительной квалификации преступного поведения злоумышленника по ст. 161 или 162 УК РФ в ситуации, если в процессе вымогательства имело место насилие над потерпевшим (близким ему человеком) и при этом проявились признаки грабежа или разбоя, поскольку содеянное охвачено п. «в» ч. 2 ст. 163 УК¹³.

В частности, 29.11.1998 Рыбин и Карпов пришли к Перминову с целью вымогательства денежных средств. Рыбин неоднократно высказал соответствующие требования, а затем, с целью заставить Перминова платить, оба стали угрожать ему убийством и нанесли потерпевшему телесные повреждения. Перминов вынужден был сказать им, что у него есть 100 руб., которые находятся в шифоньере. Рыбин взял оттуда денежные средства. Карпов, понимая, что Перминов не собирается в будущем платить им деньги, с силой нанес ему удар по лицу стеклянной банкой, причинив легкий вред здоровью. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила, что Рыбин и Карпов завладели деньгами потерпевшего в сумме 100 руб. в процессе вымогательства с целью ежемесячного получения от него данной суммы. Их действия, связанные с завладением деньгами, полностью охвачены составом преступления – вымогательство и не требуют дополнительной квалификации как разбой или грабеж¹⁴.

Это решение высшей судебной инстанции не только вступило в противоречие со сложившейся след-

ственно-судебной практикой, но и вызвало вопросы относительно установления и оценки обстоятельств содеянного.

Через 17 лет Пленум Верховного Суда РФ в абз. 2 п. 10 постановления № 56 от 17.12.2015 подтвердил правило, ранее закрепленное в абз. 2 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР № 3 от 04.05.1990.

Выводы

Результаты анализа действующих норм российского уголовного законодательства об ответственности за преступления против собственности и связанных с ними проектов федеральных законов (сопровождающей документации), доктринальных положений, а также правовых актов высшего судебного органа свидетельствуют:

– об искусственном создании конкуренции между квалифицированным и особо квалифицированным составами кражи; отклонении линии российского законотворчества в сторону англо-американской правовой семьи;

– о некорректном соединении законодателем в ст. 159 УК РФ общих и специальных положений; нивелировании содержанием ст. 159⁶ УК РФ мошенничества как формы хищения с присущими ему способами преступного поведения; необоснованном изменении практики отечественного правоприменения, если оно не связано с социально-экономическими и (или) политико-правовыми преобразованиями в России.

Данные результаты показывают, что в решениях высшей судебной инстанции имеют место: а) подмена понятия «корыстная цель» понятием «корыстный мотив» хищения имущества; б) неоднозначные положения об оценке содеянного по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ; в) разноречивое определение момента окончания (составом) административно-правового хищения имущества путем кражи и момента окончания (составом) уголовно-правового тайного хищения имущества; г) положения, препятствующие отграничению уголовно-правовой растраты имущества от малозначительной растраты такового и привлечению виновного к уголовной или административной ответственности; д) сомнительные рекомендации правоприменителям о квалификации хищения, сопряженного с угрозой, опасной для жизни/здоровья потерпевшего; е) противоречивые разъяснения судам практики применения ст. 163 УК РФ.

¹² Далее – постановление Пленума Верховного Суда РСФСР № 3 от 04.05.1990.

¹³ См. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 10. С. 21–22.

¹⁴ См. там же.

Таким образом, формальное, недостаточно продуманное обоснование преобразования российского уголовного законодательства, а также необоснованная модификация практики применения норм об ответственности за преступления против собственности рождают противоречия между нормативными право-

выми положениями, неоправданно, непоследовательно и несправедливо изменяют следственно-судебную практику, подрывают возможность надежной охраны общественных отношений, эффективного предупреждения противоправного поведения лиц, способных совершить преступления, предусмотренные статьями гл. 21 УК РФ.

Список литературы

1. Сверчков В. В. Обоснование совершенствования российского уголовного законодательства: критический взгляд // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29–30 сентября 2016 г.). Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. С. 245–246.
2. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 492 с.
3. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003. 492 с.
4. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 492 с.
5. Горобец К. В. Мошенничество по уголовному праву России и Франции. Сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.
6. Гребёнкин Ф. Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 26 с.
7. Корецкий Д. Вооруженный... грабеж: парадокс или реальность? // Законность. 2002. № 2. С. 31–34.

References

1. Sverchkov V. V. Substantiating the improvement of the Russian criminal legislation: critical view, *Law, science, education: traditions and prospects*: collection of works of International scientific-practical conference devoted to the 85th anniversary of Saratov State Juridical Academy (within the frameworks of the VII Saratov Juridical Readings, Saratov, 29–30 September 2016), Saratov, Izd-vo FGBOU VO "Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya", 2016, pp. 245–246 (in Russ.).
2. Kudryavtsev V. N., Naumov A. V. (eds.). *Criminal law of Russia*, Special part, tutorial, Moscow, Yurist, 2001, 492 p. (in Russ.).
3. Kudryavtsev V. N., Naumov A. V. (eds.). *Criminal law of Russia*, Special part, tutorial, Moscow, Yurist, 2003. 492 p. (in Russ.).
4. Kudryavtsev V. N., Naumov A. V. (eds.). *Criminal law of Russia*, Special part, tutorial, Moscow, Yurist, 2004, 492 p. (in Russ.).
5. Gorobets K. V. *Fraud according to the criminal law of Russia and France, Comparative-legal analysis*, abstract of PhD (Law) thesis, Moscow, 2009, 27 p. (in Russ.).
6. Grebenkin F. B. *Criminal-legal significance of psychological coercion in crimes against property*, abstract of PhD (Law) thesis, Moscow, 2004, 26 p. (in Russ.).
7. Koretskii D. Armed... robbery: paradox or reality?, *Zakonnost'*, 2002, No. 2, pp. 31–34 (in Russ.).

Дата поступления / Received 15.01.2018

Дата принятия в печать / Accepted 03.03.2018

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2018

© Сверчков В. В., 2018

© Sverchkov V. V., 2018